

МЕРТВЕЦЫ НЕ ПЛАЧУТ

МАРИ ДЕЛЛЬ *St. Anna*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мари Делль

Мертвецы не плачут

<https://litres.ru/74181449>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Талия Смит, мне двадцать три. И шесть лет назад, когда мир покатился в ад, я сделала то, о чем нормальный подросток не думает даже в кошмаре - кухонным топориком убила собственных родителей. Точнее, то, во что превратил их смертельный вирус.

С тех пор моим убежищем стал Новый Эдем - гигантский бетонный город, огороженный тридцатиметровой Стеной. Нам обещали спасение, но вместо него мы получили клетку, где солнце светит только для элиты, еда выдается по талонам, а за малейшее нарушение грозит "обнуление" - публичная казнь. Я думала, что буду до конца дней чистить радиационные отстойники, но, чтобы спасти своего друга, мне пришлось сделать то, чего я боялась больше всего - снова открыть дверь во Внешний мир, в Пустошь. Теперь мы - беглецы. Сможем ли мы выжить там, где любой громкий звук - это смертный приговор, и кому из своих спутников я действительно могу доверять, когда цена ошибки - наши жизни?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	60
Глава 8	65
Глава 9	70
Г	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мари Делль

Мертвецы не плачут

Глава 1

Для всех, кто ждёт зомби-апокалипсис так же, как и я. Друзья, у меня плохие новости: мы не выживем. Но если мы уже мертвецы... почему бы не повеселиться напоследок?

Меня зовут Талия Смит, мне двадцать три года. И, шесть лет назад я убила своих родителей.

Когда тебе семнадцать, ты думаешь о выпускных платьях, грядущем поступлении и о том, как незаметно протащить в комнату мальчика. Ты не думаешь о том, как правильно держать кухонный топорик, чтобы он не застрял в лобной кости твоей собственной матери.

В семнадцать лет я чертовски мало понимала в политике. Мой мир ограничивался наушниками, школьными сплетнями и вечным подростковым бунтом. Все мировые проблемы долетали до меня исключительно через закрытую дверь гостиной. Мой отец - парамедик, с въевшимся в кожу запахом больницы, после смены всегда садился перед телевизором и ругался. Он крыл матом чужих президентов, министров и собственное правительство.

Всё начиналось постепенно: забастовки, митинги, распри, перерастающие в гражданские войны. Сперва они вспыхивали где-то там, за горизонтом, на границах, о которых мы знали только из учебников географии. Люди устали от политики - они хотели спокойно жить в мире. Но политиков уже было не остановиться - их понесло. Нам наивно казалось, что нас это не коснется. Но потом подключился весь мир. Цепная реакция идиотизма.

Мама, работавшая старшей медсестрой в городской больнице, относилась к этому хаосу с усталым цинизмом. Помню, как однажды вечером она швырнула на стол мокрое кухонное полотенце, выключила орущий телевизор и устало произнесла:

— Хватит портить нам настроение, Тайлер. Там, наверху, взрослые дядьки просто пытаются показать друг другу, у кого больше член. Вот только расхлебывать это дерьмо будут такие, как мы.

Она оказалась права.

В тот день, когда всё покатилося в ад, в стране объявили чрезвычайное положение. Я часами сидела в телефоне, листая ленту новостей и просматривала жуткие, сюрреалистические видео, которые выкладывали люди из других стран и соседних городов. Журналисты срывали голоса, объявляя о начале применения запрещенного оружия - био-бомб, позже их прозвали, как “Слёзы Каина”. Вскоре появились первые кадры, словно из фильмов ужасов: огромные города, накры-

тые плотным, тяжелым фиолетовым туманом. И люди. Точнее, то, во что они превращались. Вирус из био-бомб выжигал разум людей за считанные часы, заставляя зараженных мутировать в безумных, неестественно быстрых монстров.

Когда паника докатилась до нашего города, мы с родителями заперлись дома. Они понимали, что на улице спасения нет. Мы пытались сделать из своего дома подобие бункера: заколотили все двери и окна, заклеили щели, заранее установив снаружи входной двери, маленькую камеру, которая когда-то служила моей видеоняней. При этом продолжая следить за ситуацией в мире через телевизор и маленький монитор камеры. На улице творился ад - выли сирены, куда-то бежали толпы людей, а с востока, на жилые кварталы медленно наступала фиолетовая стена. Через трое суток электричество погасло, отрезав нас от внешнего мира. Едкий фиолетовый туман уже вплотную подошел к нашему ЖК, затапливая улицы и поднимаясь всё выше и выше к верхним этажам. Мы не учли одного. Вентиляцию. Её невозможно было заклеить герметично. Туман просочился в квартиру незаметно. Хватало всего пары вдохов, чтобы вирус проник в кровь. Родители заразились, но в первые часы еще ничего не поняли. Мама пожаловалась на легкое головокружение, а у отца сильно заломило суставы, но они списали это на жуткий стресс и усталость. Они отправили меня в мою комнату, заставив пообещать, что я не буду выходить, а сами ушли спать. Под утро я проснулась от странного звука, доносящегося из их

спальни...

Я вышла из комнаты и от запаха ржавчины и гнили к горлу подкатил тошнотный ком. Из родительской спальни доносился не просто стук или шорох, это был ни на что не похожий звук то ли рык, то ли глухое утробное рычание. Будто там, внутри, заперли диких, смертельно раненых зверей. Сердце билось так сильно, как будто готовилось выпрыгнуть из груди. Ноги были ватными, но я медленно, стараясь не шуметь, подошла к двери их комнаты. На паркете, прямо перед порогом, лежал белый листок, вырванный из какого-то блокнота. Я наклонилась и подняла бумажку. На ней размашистым, прыгающим и корявым почерком отца, у которого, должно быть, уже отказывали пальцы, было нацарапано всего несколько строк.

«Таля, дочка. Вирус из тумана уже в нашей крови. Мы чувствуем, как отключается голова. Мы заперлись изнутри и выбросили ключ в окно. Замок надежный, дверь крепкая, она выдержит. Что бы ты ни услышала дальше — ЭТО НЕ МЫ. Не смей заходить сюда. Сиди в комнате, жди спасателей и уходи из города, как только всё стихнет. Мы любим тебя. Прости нас».

Бумажка задрожала вместе с моими руками, буквы расплывались перед глазами, а на глаза уже набежали предательские слёзы. Я смотрела на дверь и не могла поверить. Это какая-то шутка. Глупый розыгрыш. Я не могла поверить, что мои мама и папа стали одними из тех ужасных тварей,

что я видела в интернете. Но я... я же не заразилась... Может папа все-таки ошибся? В этот момент рычание за дверью оборвалось. На секунду наступила мертвая, звенящая тишина, от которой заложило уши. А затем... затем раздался оглушительный, страшный удар.

Деревянная дверь, которую отец в спешке посчитал «надежной», пошла продольными трещинами. Родители недооценили то, во что био-бомбы превращают людей. И эта безумная нео-биологическая сила заставляла их тела ломать преграду. Ломать ради одной цели - добраться до единственной живой плоти в этой квартире. До меня.

Из-за треснувшей двери вырвался яростный, клокочущий рев - ничего человеческого, ничего того, чтобы мне напомнило голос моей мягкой, вечно усталой мамы. Дверь содрогнулась от второго удара. Посыпалась щепа. И именно в ту секунду во мне что-то сломалось. Паника отступила, оставив место какому-то звенящему, пустому хладнокровию. Отец хотел, чтобы я дождалась спасателей. Я знала, что он хотел помочь и спасти меня, но было уже понятно - спасатели не придут. Помощи не будет. Город мертв. Бросилась на кухню и судорожно начала искать глазами всё, что может мне помочь. Мои пальцы безошибочно нащупали в выдвижном ящике деревянную рукоять тяжелого топорика для рубки мяса. В этот момент деревянная дверь спальни с грохотом разлетелась на куски...

Я, стоя на кухне, слышала, как в коридоре послышался

звук, сразу притихла: из спальни вышли двое. Шаги разошлись — одни в гостиную, вторые ко мне. Кто-то приближался к кухне. Сжимала топорик так, что костяшки побелели, и не моргая смотрела на дверной проём.

Из темноты выскочила существо, отдаленно напоминающее мою мать. В глубине души, теплилась надежда на то, что она сейчас узнает меня и прижмёт к своей тёплой груди, как делала это каждое утро перед школой, но на деле, дикий, расфокусированный взгляд её мутных белых глаз и обнажённые, в беззвучном оскале зубы, говорили о том, что это существо больше не имеет никакого отношения, к моей любимой маме. Иллюзии стёрлись, заставив меня разбиваться о скалы жестокой реальности, нового мира. На ней больше не было голубого домашнего халата в мелкий цветочек, осталась только серая, безжизненная, искусанная в кровь, плоть. Она рванула, вытянув вперед скрюченные пальцы с обломанными ногтями. Я не успела испугаться. Шаг в сторону - спиной я сильно ударилась о стеллаж, с него с грохотом полетела посуда. Мама проскочила мимо, врезавшись в комод, и тут же, с утробным клочкотанием, начала разворачиваться. Времени на замах не было, интуитивно выбросила руку вперед, вкладывая силу и собственный вес в рукоять топорика, для удара. У меня есть только один шанс на выживание, я просто не имею право на ошибку. Тяжелое лезвие с глухим, влажным треском вошло ей точно между бровей. На мгновение пальцы мамы судорожно сомкнулись на рукаве моей пижамы, но

тут же обмякли. Сила, которая секунду назад заставляла ее двигаться с безумной скоростью, исчезла. Глаза закатились.

Я дернула топорик на себя, но он не поддался, паника захлестнула меня. Всем нутром я чувствовала, что одну меня надолго не оставят. Нужно было срочно вернуть себе оружие. Рывок, еще один, безрезультатно. Держать на весу её тело больше было невозможно, мы рухнули на осколки разбитой посуды. Острый кусок какой-то разбитой посуды врезался мне прямо в бедро, адская боль пронзила всё тело и не сдержав эмоций, закричала. От злости на саму себя, приподнялась, уперев одну ногу в голову чудовища и резко вытянула топорик на себя, кое-как сохранив равновесие. Из её раны потекла густая, черная жижа, не успев даже перевести дыхание, на пороге кухни появился отец, точнее то, во что он превратился. Увидев меня, он издал такой яростный визг, что у меня заложило уши, и прыгнул, целясь когтями прямо мне в горло. Я попыталась отступить назад, но под ногами лежала мама. Я споткнулась об ее тело и полетела на мокрый от крови, пол. Отец рухнул сверху. Его тяжелое, налившееся безумной силой тело придавило меня к паркету так, что из легких вышибло весь воздух. В нос ударил жуткий, невыносимый запах гнили и чего-то приторного. Я закричала. Громко, сорвав голос на первом же выдохе, захлебываясь собственными слезами.

— Папа, пожалуйста, не надо! — истошно визжала я, теряя рассудок от ужаса, но ответом мне был лишь глухой, за-

хлебывающийся лай чудовища. Его ледяные, жесткие пальцы намертво впились в мои плечи. Лицо отца — серое, с лопнувшими черными венами на щеках — оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Он яростно щелкал зубами, изо рта брызгала тягучая, чёрная слюна, и он сантиметр за сантиметром приближал свою пасть ко мне, пытаясь укусить. Я изо всех сил уперлась левой ладонью в его жесткий, холодный подбородок. Рука дрожала, мышцы горели от напряжения. Я пыталась спихнуть его, извивалась всем телом на скользком от крови паркете, пинаясь ногами, но он сидел на мне как многотонная плита. Замахнуться в полную силу было невозможно. Понимая, что левая рука вот-вот сорвется, и его зубы сомкнутся на моем горле, я начала вслепую, коротко и часто наносить удары топориком ему по боку, целясь в ребра. Тяжелое лезвие раз за разом рассекало серую плоть. Из разорванной домашней футболки во все стороны полетела черная жижа, пачкая мои ноги и пижаму. Я начала понимать, вирус полностью отключил у него болевые рецепторы. Отец даже не вздрогнул. Мои удары по корпусу были для него как легкие хлопки - он продолжал с бешеной силой давить сверху, и его зубы уже почти коснулись кожи на моей щеке.

«*Что бы ты ни услышала дальше - ЭТО НЕ МЫ*», пронеслись слова отца в моей голове. У меня оставался последний, единственный шанс. Собрав всю оставшуюся во мне силу воды, резко повернула голову в сторону, уклоняясь от его

челюстей. Большого замаха не получилось, но он и не был нужен. Со всей оставшейся силы я занесла топорик и с диким, отчаянным воплем наотмашь вогнала острое железное основание ему прямо в правый глаз. Кость черепа с хрустом поддалась. Отец мгновенно замер. Рычание захлебнулось на полуслове, превратившись в короткий свистящий хрип. Его тело неестественно выгнулось, пальцы на моих плечах судорожно сжались, а затем он мешком повалился на меня всей своей мертвой массой. Его глаза остекленели и уставились в потолок.

В квартире снова воцарилась тишина. Настоящая, гробовая тишина. Я сидела на полу между двумя трупами тех, кто подарил мне жизнь, и меня рвало желчью. Я обессиленно откинулась назад и вытерла рот тыльной стороной ладони, размазывая по лицу горькую слизь, слезы и родительскую кровь. Тяжело дыша, я опустила взгляд на свою ногу. Из правой ноги торчал крупный, острый осколок керамической тарелки, с выцветшим узором. Он вошел глубоко в плоть, и при каждом вдохе рана пульсировала, выталкивая новые порции горячей крови. Зубы стучали, выбивая безумный ритм в так бьющемуся где-то в горле сердцу. Пальцы дрожали так, что я едва могла ухватиться за скользкий, окровавленный край керамики. Один резкий рывок и из груди вырвался крик. Я сразу же зажала рану ладонью, изо всех сил вдавливая пальцы в плоть, пытаясь остановить багровый поток. Но кровь всё равно просачивалась сквозь пальцы и пачкала пол. Я под-

няла взгляд на родителей. Их убила собственная дочь. Ещё сильнее надавила на рану в бедре. Физическая боль была почти спасительной — она отвлекала от боли внутри. Вокруг был город, где-то на улице стреляли автоматы, горели дома. Мне хотелось кричать, быть так, чтобы сорвать голос, но из горла выходил только свистящий хрип. Я осталась одна. Одна в обезумевшем, погибающем мире. Живая. Раненная. И виновная.

С тех пор прошло шесть лет. Сейчас я живу в Новом Эдеме — гигантском бетонном склепе, который военные построили, чтобы спрятаться от миллиардов заражённых — тех, кого прозвали бегунами. В городе продолжается жизнь. Люди учатся, работают, пытаются делать вид, что всё нормально. Но Эдем не спасает. Он медленно нас переваривает. Здесь царит абсолютная, узаконенная жестокость. Еда выдается строго по синим талонам, а за любое, даже самое мелкое нарушение — будь то кража куска мыла или опоздание на смену — приговор один — Обнуление. Публичная казнь на площади.

У меня остался только один повод не сойти с ума в этой клетке. И этот повод сейчас как раз бесцеремонно лез в окно моей полуподвальной комнаты.

— Лия, детка, скажи мне, что у тебя есть хоть капля пресованного белка, иначе я съем твой коврик у двери. И поверь, я не шучу, у него очень многообещающий вид.

На подоконнике, согнувшись в три погибели, уже сидел

Олли. Мой личный сорт антидепрессанта в этом загнивающем мире. Огромный, накачанный блондин с абсолютно дурацкой, растрепанной челкой и неистребимым оптимизмом. Он умудрялся работать на каторжной разгрузке металла в доках по двенадцать часов и после этого всё равно травить свои идиотские шутки. Я вытерла лицо шершавой от мозолей ладонью, прогоняя призраков прошлого, и повернулась к нему.

— Твой блок на другом конце сектора, Олли. Если тебя поймает ночной патруль, тебя вздернут до рассвета.

— Ой, брось, — Олли легко прыгнул на пол, отчего старые доски жалобно скрипнули под его весом. Он широко улыбнулся и поиграл внушительным бицепсом. — Эти мудаки в жизни меня не догонят. Ну так что, угостишь даму ужином? В награду расскажу тебе анекдот. Обещаю, он чертовски смешной, хотя за него дают лет десять каторги.

Я смотрела на его сияющую улыбку и еще не знала, что очень скоро, чтобы спасти этого белобрысого придурка мне придется сделать то, чего я боялась больше всего на свете — снова открыть дверь во Внешний мир.

Глава 2

Жизнь в Новом Эдеме регламентируется «Кодексом Абсолютного Порядка», который Совет переписывает и ужесточает каждые несколько лет в зависимости от дефицита ресурсов. Этот свод правил вбит в голову каждого жителя, с момента появления за стеной, через радиорепродукторы, и за его соблюдением следят каратели Службы Безопасности (СБ).

Новый Эдем строился как спасение, но стал потрясающей клеткой. Если посмотреть на город сверху, он напоминает гигантский бетонный улей, зажатый в кольцо тридцатиметровой внешней Стены. Весь Эдем поделен на десять Секторов. Сектора с первого по четвертый - это Верхний город. Оплот Совета, военных и чиновников. Там из окон открывается вид на чистое (насколько это возможно) небо, а по праздникам выдают настоящее мясо. Пятый Сектор - буферная зона: склады, административные архивы и казармы патрулей. От Шестого Сектора избавились два года назад, его территорию забрал десятый.

А дальше, от Стены до Стены, тянулся наш ад - Сектора с седьмого по десятый. Рабочее гетто.

Из-за того, что жилые блоки строились вплотную друг к другу, а над ними гигантскими козырьками нависали яру-

сы технических эстакад и транспортных монорельсов, в нашем Секторе 7 почти никогда не было солнца. Сюда долетал лишь тусклый, рассеянный сквозь километры стальных перекрытий свет. Вечный искусственный полумрак, густой смог и удушливый запах серы создавали полное, пугающее ощущение, будто мы живем глубоко под землей, в бесконечной ржавой шахте. Сюда люди приходили найти спасение, а вместо этого вкалывали и умирали, так больше и не увидев линию горизонта.

Моя рабочая смена на Южной очистной станции начиналась в шесть ноль-ноль. Опоздание на пять минут - выговор и лишение половины дневного пайка. Опоздание на пятнадцать минут - принудительные работы в Нижних доках. Опоздание на полчаса приравнялось к саботажу жизнеобеспечения. А за саботаж у Совета было одно универсальное лекарство - Обнуление.

— Эй, Лия, шевели колготками, патруль на углу, — негромко шепнул Олли, легонько подтолкнув меня локтем в бок.

Мы шли в плотной, безликой толпе таких же рабочих. Серая форма из грубой, колючей ткани, одинаковые брезентовые сумки, опущенные в землю глаза - так выглядели все, с 7 Сектора по 10.

Над нашими головами, прикрепленные к стальным балкам перекрытий, каждые сто метров висели тяжелые рупоры репродукторов. Отрегулированные на максимальную гром-

кость, они с самого утра вбивали в наши уши бодрый, металлический голос диктора. Этот голос эхом разносился по узким бетонным коридорам улиц, смешиваясь со скрежетом заводских турбин:

“Доброе утро, граждане Нового Эдема! Помните: честный труд - главный щит человечества. Будьте честными, послушными гражданами, выполняйте норму, и мы восстановим этот мир общими усилиями! Наше спасение - в нашем единстве. Труд облагораживает. Дисциплина бережет от бегунов”

От этого лицемерного дерьма хотелось плевать. «Восстановим мир». Правительство его уничтожило, а мы теперь должны «общими усилиями» чистить за ними радиационные отстойники. Прошло шесть лет, мам. Ты была права. На углу Четвертой линии голос из динамиков внезапно прервался коротким сигналом, а потом так же голос сухо отчеканил:

“Напоминаем: экономия пищевых ресурсов - обязанность каждого. Любое укрывательство талонов карается по статье Обнуление”

И как раз под этим рупором стояли каратели. Двое в тяжелой черной броне, в шлемах, за которыми не видно лиц, и с автоматическими карабинами наперевес. Рядом с ними лениво вышагивал офицер СБ с коротким электрохлыстом на поясе.

— Документы и талоны к осмотру, — снова завел свою

шарманку репродуктор.

Я привычно выудила из кармана пластиковую карту-идентификатор и зажала в кулаке синий клочок бумаги - мой утренний пропуск на получение белкового брикета. Офицер мазнул взглядом по моему лицу, затем по карте. Секундный писк сканера.

— Талия Смит. Сектор 7, блок Б. Очистные сооружения. Проходи.

Я сделала три шага вперед и замерла, незаметно оглянувшись. Олли протягивал свою карту. Он умудрился даже перед лицом карателей сохранить выражение легкой, едва заметной дебильноватой расслабленности.

— Что делаешь сегодня после работы? — едва слышно пробормотал он под нос.

— Что ты сказал, рабочий? — Офицер резко перехватил хлыст.

— Говорю, погода сегодня шепчет, господин офицер, — Олли расплылся в своей самой белозубой и невинной улыбке, отчего его шрамы на скуле натянулись. — Металл в доках сам себя не разгрузит. Спешу на благо Эдема, как велит радио.

Офицер брезгливо сплюнул под ноги Олли, но карту вернул:

— Проваливай, шутник. И прикуси язык, пока мы не прикусили его вместе с твоей головой.

Когда мы отошли на безопасное расстояние, я ткнула Ол-

ли под ребра. Он даже не поморщился — его пресс был тверже, чем бетонные блоки Стены.

— Ты придурок, Олли. Настоящий, клинический придурок. Зачем ты его дразнишь?

— Лия, детка, если я перестану улыбаться, мое лицо окончательно превратится в ту серую массу, которой нас кормят. Ты же не хочешь видеть меня унылым? Мне не идет уныние, оно визуально уменьшает мои бицепсы.

Я только тяжело вздохнула. Переспорить его было невозможно.

Тяжелая железная дверь шлюза захлопнулась, отсекая гул очистных турбин, но едкий запах аммиака и застоявшейся серой жижи всё равно просочился вслед за нами в раздевалку.

Я устало опустилась на низкую скамью, чувствуя, как гудят ноги уже после четырех часов на ногах. Пальцы, введшиеся в резиновые перчатки, подрагивали. Рядом с грохотом опустился Олли. Его комбинезон был по самый пояс заляпан бурым налетом отстойников, но на лице, вопреки всему, блуждала привычная ухмылка. Он залез в карман, выудил оттуда помятую пачку без каких-либо опознавательных знаков - просто грязно-белый картон с выдавленным штампом Санитарного Контроля и протянул её мне.

— На, держи. Сегодня свежий завоз в распределитель. Бесплатный паек для тружеников Нижнего сектора, чтоб мы не сильно грустили о солнце.

Я вытянула одну сигарету. Она всегда была странной - слишком тяжелой, обернутой в грубую, сероватую бумагу, которая на ощупь напоминала кальку. Никакого привычного сладковатого аромата сухого табачного листа. Из конвейера пачки пахли чем-то средним между жженой пластмассой и речными водорослями. Олли чиркнул дешёвой пластиковой зажигалкой. Огонек выхватил его широкое лицо, обветренную кожу и темные круги под глазами. Я прикурила.

Вместо мягкого тепла легкие мгновенно обжег едкий, маслянистый дым. Горло сдавило спазмом. Я резко закашлялась, прижав ладонь к губам, и на раскрытой коже осталась сероватая копоть.

— К этому дерьму невозможно привыкнуть, — прохрипела я, слезящимися глазами глядя на тлеющий огонек. Сигарета горела неровно, с треском, выпуская густой сизый шлейф, который пах химической гарью. Катушка фильтра почти сразу пожелтела и намокла от маслянистого осадка.

— Брось, детка, — Олли глубоко затянулся, зажмурившись от удовольствия, хотя его мощная грудь тоже на секунду судорожно дернулась. — Чистый концентрат из фильтрационных баков третьей ступени. Сушеная органика, прессованный осадок и капля седативных из госпитальных стоков. Зато желудок сразу думает, что мы съели по сочному стейку, а в голове так приятно... пусто. И заметь, Администрация заботится о нас совершенно бесплатно. Кури - не хочу. Лишь бы вентили крутились.

Он выпустил ровное колечко дыма, которое медленно поплыло к потолку, смешиваясь со ржавой пылью, летящей из вентиляционной решетки. Я посмотрела на сигарету в своих пальцах. Бумага в месте тления обугливалась странными черными хлопьями, похожими на окалину. Но Олли был прав: дикий голод, который весь день скручивал внутренности, медленно отступал, сменяясь тупой, ватной апатией. Ноги перестали болеть, а перед глазами уже не так отчетливо вспыхивали лица из прошлого. Новый Эдем умел заботиться о своих рабах, он просто глушил их той же грязью, которую они каждый день выгребали из его труб. Я снова затаилась, сознательно впуская этот горький химический туман глубоко внутрь себя.

Около двух часов дня по всему сектору взвыла сирена. Три коротких, один длинный. Сигнал Большого Сбора.

Мое сердце пропустило удар. Этот звук не предвещал ничего хорошего. Это означало, что на Центральной площади Сектора 7 сейчас начнется очередное шоу.

Когда я вышла на площадь, там уже собралось не меньше трех тысяч человек. Люди стояли плотным, безмолвным полукольцом в этом вечном подземном полумраке, освещаемый лишь желтыми лучами прожекторов. На деревянном помосте стояли трое карателей и начальник нашего сектора — жирный, с грязными сальными волосами чинуша по фамилии Коваль. На коленях перед ними сидела девушка. Со всем молодая, едва ли старше девятнадцати. На ней была по-

рванная форма швейного цеха. Я почувствовала, как к горлу подступает тошнотворный ком.

— Граждане Нового Эдема! — голос Ковалёва, усиленный мегафонами, гремел над площадью. — Перед вами изменница и воровка. Анна Лемке. Рабочая третьего разряда. Вчера вечером при обыске в её жилой ячейке были обнаружены три незарегистрированных синих талона на питание.

Раз в месяц, всегда в абсолютно рандомный день и без всякого предупреждения, Сектор 7 содрогался от тяжелого стука кованых берцов. Это был день Выборочной Зачистки. Каратели СБ оцепляли жилые блоки и врываются в случайные квартиры с обыском. Они искали всё, что попадало под тотальную цензуру Совета, а под неё, кажется, попадало вообще всё. Любая вещь, способная напомнить о том, что когда-то мы были людьми, считалась диверсией. Старая, потрепанная бумажная книга с вырванными страницами? Изъятие и обнуление. Музыкальный диск, который даже не на чем воспроизвести? Изъятие и обнуление. Контрабандные продовольственные талоны других секторов? Изъятие и обнуление. Совет выжигал наше прошлое, превращая нас в послушных рабов.

Единственное, на что каратели закрывали глаза и что официально допускалось к хранению в неограниченных количествах, - это сигареты.

— Данные талоны были похищены со склада, — продолжал Коваль, сверкая маленькими, как у свиньи, глазками. —

Подсудимая утверждала, что пыталась спасти своего младшего брата, больного дизентерией. Но закон Эдема суров и одинаков для всех. Жалость - это слабость. Кража ресурсов города - это предательство человечества. Наказание за нарушение закона 1.2

Коваль сделал паузу, смакуя момент. Девушка на помосте даже не плакала. Она просто смотрела на серый грязный бетон под ногами, её плечи мелко дрожали.

— ...Обнуление. Исполнить незамедлительно.

Один из карателей шагнул вперед, сдергивая с плеча штурмовую винтовку. Он не стал возиться с виселицей. В Новом Эдеме ценили время. Один выстрел в затылок. Глухой хлопок разорвал тишину площади. Тело девушки дернулось и повалилось на доски, как тряпичная кукла. Из-под её головы быстро поползло темное пятно. И в ту же секунду из динамиков над площадью снова полилась бодрая, жизнерадостная музыка, и тот же диктор заговорил:

«...общими усилиями мы вернем наше будущее! Будьте бдительны, граждане!»

— По местам работы. Живее! Не задерживать движение!
— тут же залаяли патрульные, разгоняя толпу прикладами.

Я стояла как вкопанная, чувствуя, как внутри меня закипает ледяная, глухая ярость. Шесть лет назад я убила родителей, чтобы спастись. Я думала, что бегу в безопасное место. А прибежала в концлагерь, где людей убивают за кусок еды для больного ребенка под лозунги о «хороших людях». Чья-

то огромная, теплая ладонь мягко, но настойчиво обхватила мои пальцы и потянула назад, в тень переулка, под нависающую стальную плиту верхнего яруса. Олли.

Его лицо было бледным, а челюсти сжаты так, что на щеках заходили желваки. Но как только мы скрылись за углом ржавого гаража, он заставил себя расслабиться. Правда, на этот раз его улыбка вышла кривой и болезненной.

— Её только что убили! Просто пристрелили как собаку!

— А что нам делать, Лия? — Олли вдруг сделал шаг ко мне, и его голос упал до свистящего шепота. В его голубых глазах больше не было веселья. — Плакать? Орать? Броситься на этих уродов с голыми руками? Или лечь рядом с ней на том помосте?

— Мы, конечно, можем устроить здесь революцию, — Олли натянул улыбку и усмехнулся, глядя на ржавые трубы коллектора. — Прямо как те «Освободители» два года назад. Поднимем Сектор 7, закидаем блокпосты СБ самодельными гранатами, разобьем пару морд из Верхнего города... Но что будет дальше, Ли? Ты думала об этом?

Я промолчала, лишь сильнее сжала кулаки в руках Олли, друг сделал шаг ближе, и его голос упал до жесткого, ледяного шепота:

— А я скажу тебе, что будет. Люди просто умрут, и ничего не поменяется. Совет пришлет новые карательные отряды, закрутит гайки еще сильнее, а выжившим урежет паек вдвое. Вспомни тех парней, которые кричали о свободе и равенстве

на площади Свободы. Где теперь эти великие освободители, Ли? Где они?

Он сам же ответил на свой вопрос, в упор глядя на меня:

— Их всех убили. Кого-то расстреляли у Стены, а чьи-то тела до сих пор гниют в очистных баках под нашими ногами. Революция в этом месте — это просто быстрый способ самоубийства. Поэтому мы не будем воевать.

Я смотрела на него и молчала. Злость улетучилась, оставив после себя только серую, звенящую пустоту. Он был прав.

— Извини, — выдохнула я, утыкаясь лбом в его тяжелое плечо. От Олли пахло металлической стружкой и застарелым потом - тем, который въедается в одежду после долгой работы. — Просто... мне кажется, что это никогда не закончится.

Олли аккуратно обнял меня за плечи одной рукой и тихонько потряс:

— Эй, ну-ка отставить панику. Моя конфетка не имеет права унывать. Пойдем после смены ко мне в блок, я хотел оставить это на твой день рождения, но видимо придётся открыть сегодня. Я раздобыл пару недель назад кое-что получше соли. Настоящий трофей.

Он заговорщицки подмигнул мне и вытащил из глубин своей куртки маленькую, помятую жестяную баночку. На этикетке, покрытой слоем пыли, едва читалось: «Тушёнка говяжья. Год производства: 2029». Настоящая, довоенная

еда. Роскошь, за которую на площади сегодня могли обнулить еще человек пять.

— Где ты это взял? — испуганно прошептала я.

— Секрет фирмы, детка. Скажем так, один из контейнеров в доках случайно открылся от моего скромного обаяния. Пошли, пока я не съел тушенку вместе с банкой. Устроим пир во время чумы.

Я кивнула, стараясь не думать о том, что эта баночка могла стать нашим смертным приговором. Мы пошли по темным переулкам Сектора 7, петляя между ржавыми трубами и кучами мусора, над которыми продолжало вещать радио о том, как важно быть хорошим человеком.

В каморке Олли пахло старым железом, машинным маслом и совершенно невероятно - настоящим мясом. Единственная тусклая лампа под потолком едва разгоняла полумрак, отбрасывая массивную тень Олли на обшарпанную стену.

Мы сидели прямо на полу, подстелив под себя брезентовые куртки. Олли орудовал самодельной ложкой, выковыривая из ржавой консервной банки драгоценные куски жира и волокнистого мяса. Я ела медленно, смакуя каждый грамм: в Секторе 7 тушенка была валютой подороже золотых талонов.

Отложив свою ложку, я устало откинулась на стену и принялась бездумно ковырять свежие, сорванные до мяса мозоли на ладонях - результат сегодняшней смены на Южной очистной. Кожа горела, но физическая боль помогала немно-

го отвлечься от монотонного гула в голове.

Вдруг я замерла, вспомнив ранний диалог с Олли, и подняла на него глаза.

— Стоп, — нахмурилась, пристально глядя на то, как он облизывает ложку. — Ты сказал, что нашел эту банку на дальних складах сырья еще пару недель назад назад. Так?

— Ну да, — Олли удивленно приподнял густые брови, не прерывая своего занятия. — Лежала под двойным настилом, ждала своего часа. А что?

— Насколько я помню, ровно неделю назад в твоём блоке была выборочная зачистка. Каратели перевернули вверх дном все комнаты на этаже. Как они её не нашли?

Олли довольно хмыкнул, отставил пустую жестянку в сторону и заговорщически подался вперед. Его широкое лицо расплылось в хитрой ухмылке.

— А вот тут, детка, в дело вступает строительная смекалка, — он постучал пальцем по своему лбу. — Год назад я менял здесь вентиляционный короб. И когда выламывал, обнаружил, что между бетонной плитой и коробом, есть ниша. Прежний жилец, видать, тоже был парнем непростым. Глубина — аккуратно под три-четыре банки или пару пистолетных магазинов. Я приварил туда фальшивую панель, затер ее мазутом со ржавчиной и вывел наружу фальшивые болты.

Олли победно подмигнул мне:

— Эти ищейки из СБ могут сколько угодно потрошить мои матрасы и шмонать белье, но крутить намертво прива-

ренные ржавые болты им лень. Так что каратели ушли с пустыми руками. Зачистка зачисткой, а тайники в этом городе - единственное, что помогает не откинуть копыта.

— Но я не пойму, если у тебя был такой хороший тайник, зачем же ты сегодня взял эту банку с собой?

— Да потому что я видел тебя вчера на распределителе пайков, Талия, — тихо буркнул он, глядя в пол. — Ты еле на ногах стояла, бледная как стена, а в руках этот чертов синий талон. Я еще тогда подумал: если эта упрямая девчонка завтра упадет в обморок, мне придется ещё и её работу выполнять. Вот и взял банку с утра. Хотел дождаться обеда, подкормить тебя. Кто ж знал, что это совпадет с публичной казнью?

У меня внутри словно что-то перевернулось. В Секторе 7, где каждый был готов перегрызть ближнему глотку за лишнюю корку хлеба, этот огромный, глуповато улыбающийся парень таскал с собой смертельно опасную контрабанду просто для того, чтобы я не откинулась.

— Идиот ты, Олли, — негромко сказала я, чувствуя, как к глазам подкатывают слезы. — Огромный, несносный дурак. Если бы тебя поймали на КПП с этой банкой, тебя бы казнили вместе с той девушкой.

— Зато сытым, — хохотнул он, мгновенно возвращая свой прежний бодрый вид. — Ладно, проехали.

Я облегченно выдохнула, но взгляд мой снова упал на пустую жестянку. Мясо. Настоящая еда. Два года назад, во вре-

мя Восстания, склады Верхнего города были вскрыты, и такие банки валялись прямо на дорогах Сектора 7. Люди тогда верили, что сытая жизнь пришла навсегда.

— Тайники — тихо повторила я, поджав колени к груди и обхватив их руками. — Олли, как ты думаешь живы ли еще те освободители? Ну, хоть кто-то из них?

Олли сразу посерьезнел. Он опустил руки на колени и мрачно уставился на ржавую банку из-под тушенки.

— Слышал я тут кое-что у себя в доках, — глухо произнес он, понизив голос. — Мужики из ремонтной бригады болтали, будто парочке освободителей тогда удалось прорваться через заграждения и сбежать за Стену.

Он помолчал секунду, а затем скептически покачал головой и криво усмехнулся:

— Но это вряд ли, детка. Сказки всё это, чтобы нам спалось крепче. Если бы они реально выжили и закрепились там, снаружи, они бы точно вернулись. Ну, мстить за своих или что-то в этом духе. Напали бы на конвои СБ, шлюз попытались взорвать. А так — тишина уже два года. Их убили, Ли, вместе со всеми из Сектора 6. Всех до единого.

Глава 3

2.2 Закон Ограничения Движения (Комендантский час): Для рабочих секторов (7-10) свободное перемещение по улицам разрешено строго с 05:00 до 23:00. После вечернего сигнала сирены, любой гражданин, находящийся вне своей жилой ячейки или не на ночной смене, считается потенциальным диверсантом или шпионом. Наказание: Каратели имеют право открывать огонь на поражение без предупреждения.

Воскресенье в Секторе 7 так же отвратительно, как и любые другие дни. Один-единственный выходной в неделю — роскошь, которую Совет милостиво швырял нам в лицо, чтобы рабочие окончательно не превратились в бездумных роботов. В этот день Южная очистная станция глушила половину своих насосов, и над гетто висела странная, давящая, почти противоестественная тишина.

Я проснулась за полчаса до того, как репродукторы на потолке выдали утренний марш. Глаза открылись сами. В Новом Эдеме привычка просыпаться по сигналу въедается под кожу намертво, и даже в единственный свободный день тело отказывается расслабляться. Я лежала на узкой железной койке, уставившись в низкий потолок своей полуподвальной ячейки. По серому бетону, прямо над моей головой, тяну-

лась толстая ржавая труба магистрального отопления. Она мерно вибрировала, сочась липким конденсатом. Моя комната была размером три на два шага - бывшая кладовая технического инвентаря, которую я четыре года назад выменяла у жилищного коменданта за три пачки довоенных сигарет, оставшихся из заначки Олли.

Из мебели здесь были только эта койка, сколоченный из обрезков ДСП стол и прикрученное к стене треснувшее зеркало. На полу тот самый серый коврик, на который Олли покушался в пятницу. Весь мой нехитрый быт. Одно небольшое окно над столом, и рядом от него в стене зияла квадратная дыра вентиляционной отдушины, откуда вечно тянуло сыростью и чужой кислой стряпней из соседнего блока.

Вздохнула, спустила ноги на холодный пол и потянулась к столу. Настало время королевского завтрака.

Я развернула серую вощеную бумагу. Внутри лежал вчерашний белковый брикет - скользкий, серовато-зеленый кубик, похожий на кусок цемента. Нарезав его тонкими пластинами, я выложила их на железную тарелку и плеснула в кружку вторичной воды из жестяной канистры. Я заставила себя проглотить первый кусок. Паста липла к зубам, отдавая мелом и чем-то неуловимо химическим. Чтобы хоть как-то перебить этот вкус, я макнула палец в ту самую щепотку соли, которую Олли украл для меня, и лизнула кожу. Стало немного легче.

К вечеру тишина гетто начала утомлять. В четырех стенах

подвала мысли неизбежно возвращались к родителям, к той проклятой кухне и к выстрелу, который оборвал жизнь Анне Лемке прямо на площади. Избавиться от этого можно было только одним способом - пойти туда, где шумно.

— Лия, если мы сейчас же не уйдем, я начну грызть швы на твоей куртке! — Олли, как всегда, возник без предупреждения, бесцеремонно заглядывая в моё окно. На нем был его парадный чёрный бомбер, а белокурая челка была странно взъерошена. На лице сияла такая улыбка, будто мы собирались на бал в Верхний город, а не в убогую пивнушку на стыке секторов.

— Иду я, иду, — завязала волосы в тугой пучок и накинула чёрную потертую кожанку. — И не ори, комендант услышит.

“У Рика” был единственным приличным заведением в радиусе трех километров. Приличным по меркам Сектора 7, разумеется. Бар располагался в огромном заброшенном ангаре бывшего трамвайного депо. Внутри стоял гул из сотен голосов, пахло пролитым синтетическим пивом, дешевым табаком и немытыми телами. Народу было не протолкнуться. Рабочие заливали в себя алкоголь, пытаясь забыть недельный стресс. Свет был тусклым, желтоватым, идущим от гирлянд голых ламп, развешанных по стальным перекрытиям.

Мы с Олли с трудом отвоевали свободный угол у шатающейся бочки, служившей столом. Олли ушел к стойке ме-

нять наши талоны на две кружки мутного «сидра» - сделанного непонятно из чего. Я осталась стоять у бочки, лениво разглядывая толпу, когда ко мне кто-то приблизился.

— Не думал встретить тебя здесь, Смит. Вероятность пересечься с тобой вне цеха около тридцати процентов.

Я обернулась. Рядом со мной стоял Марк - он работал на нашей же очистной станции, только на три яруса выше, в диспетчерском узле контроля за давлением. Мы познакомились в «У Рика» пару месяцев назад. В те редкие воскресные вечера, бармен запускал древний, хрипящий проигрыватель. Музыка была паршивой, наполовину забитой помехами, но её все равно было приятно слушать. Как в Эдеме, где запрещена музыка, работал этот бар для меня было загадкой. Сомневаюсь, что верхушка не знала о нём, но и по какой-то причине Рика - владельца бара, не отправляли на Обнуление.

Мы танцевали с Марком всего два или три раза. В те минуты, когда его ладонь лежала на моей талии, мне казалось, что тридцатиметровой бетонной Стены за окном просто не существует, а я просто нахожусь на школьном балу. Не потому, что от него искрило или кружилась голова. Просто с ним было спокойно.

Мы иногда разговаривали после - обо всяких глупостях, вроде его работы. Он никогда не жаловался на жизнь в этом склепе, и эта его спокойная уверенность притягивала меня. Как к человеку, а никак к мужчине.

Марк был старше меня на четыре года, но в нём не было мужественности (в привычном ее понимании), от которой хочется то ли бежать, то ли падать в обморок. Он был немногим выше меня, с русыми кудряшками, которые вечно попадали ему в глаза, отчего иногда глаза становились влажными, и казалось, будто он вот-вот заплачет, хотя на самом деле просто щипало от волос.

Марк в целом не выделялся на фоне других: не худой, скорее подтянутый, лицо мягкое, без резких углов, а глаза - обычные карие.

Вне работы на нём вечно был зелёный свитер, облегающий крепкие плечи. И я смотрела на эти плечи без всякого трепета просто отмечала: да, он в порядке. Марка волновала только работа и терминал. И меня это устраивало. Мне не нужно было от него ничего, кроме этих редких танцев и пустых разговоров. Он был безобидным. Уютным - как будто ты находишься в объятиях бабушки.

— Привет, Марк, — я заставила свой голос звучать привычно ровно. — В четырех стенах сегодня слишком душно. Решила сменить обстановку.

Марк мягко улыбнулся, и эта улыбка показалась мне странно теплой, непривычной для Эдема, где люди обычно кривились в судороге или скалились от злости. Он сделал шаг ближе, окинув меня внимательным, оценивающим взглядом.

— Тебе идет без защитных очков, Смит. В цеху из-за пла-

стика и пыли я как-то не придавал значения. Ошибка восприятия. А здесь вижу, что у тебя глаза серые. Необычно. По шкале RGB примерно 128-128-128. Идеально сбалансированный код. Красиво.

Я замерла и несколько секунд просто молча смотрела на Марка, хлопая ресницами, пока мой мозг отчаянно пытался перевести эту абракадабру на человеческий язык. В какой-то момент меня охватило такое искреннее, глубокое непонимание, что я непроизвольно вертела головой по сторонам. Осмотрела темные углы бара, заглянула в лицо каждого посетителя и даже мазнула взглядом по потолку, словно ожидая увидеть там спрятанную камеру, а из-за кресла вот-вот должен был выскочить ведущий довоенного шоу и крикнуть, что всё это пранк. Камеры, разумеется, не было. Был только Марк, который смотрел на меня с абсолютно серьезным, даже немного торжественным видом гордого собой айтишника.

— По шкале чего?.. — медленно переспросила я, наконец выдав ответ. Тряхнув головой, чтобы прогнать нахлынувший ступор, не смогла сдержать слабую, ироничную улыбку. — Знаешь, Марк, до сегодняшнего дня меня еще никто не сравнивал с RGчего-то там. Это... оригинально. Твои глаза тоже... выделяются на фоне нашего бетона.

Марк хотел что-то ответить, его пальцы слегка коснулись края бочки рядом с моей рукой, но в этот момент между нами, как ураган, вклинился Олли. Он держал в руках две со-

мнительные жестяные кружки, а его взгляд, устремленный на Марка, на секунду стал колючим и подозрительным. Щит оптимизма вернулся на место мгновением позже.

— Так-так-так! Стоило отойти за топливом, как мою лучшую подругу уже берут на abordаж, — Олли шутливо, но настойчиво отодвинул Марка плечом, протягивая мне кружку. — Привет, Мартин.

Марк усмехнулся, ничуть не смутившись, и сделал шаг назад, растворяясь в толпе:

— До завтра, Смит. Увидимся на смене.

И проводив его взглядом, почувствовала легкую ноту облегчения. Олли тут же сделал приличный глоток из своей кружки и поморщился:

— Редкостное пойло. Сколько пью, так не могу понять из чего Рик гонит эту жижу. Ставлю на крысиный помёт.

— Олли, ты в курсе, что его зовут Марк, а не Мартин?

— Ты уверена? — он перевёл взгляд на меня, приподняв бровь.

— Да, я уверена.

— Да какая разница, — Олли пренебрежительно махнул своей огромной ручищей, едва не зацепив сидр. — Марк, Мартин... Для меня все эти чистоплюи из диспетчерской на одно лицо. Ходят в чистых комбинезонах, нажимают кнопки, пока мы внизу дерьмо лопатами гребем. И чего он вечно трется на нашем ярусе? У него на четвертом уровне своей работы мало?

Олли делал это нарочно. Каждый раз, когда речь заходила о Марке, он внезапно «забывал» его имя, или просто называл «калькулятор». Это была его осознанная тактика — обесценить человека, который ему не нравился (на самом деле ему никто не нравился).

— Он спускался, потому что на седьмом коллекторе полетело давление, — тихо, но твердо ответила, забирая у Олли кружку с сомнительным сидром Рика, чтобы он не выпил лишнего. — Если бы не его «кнопочки», нас бы на той неделе в цеху ручной фильтрации просто затопило бы к чертям. Вместе с твоей любимой тушенкой.

— Ой, ладно тебе, защитница, — Олли закатил глаза и картинно вздохнул, подперев подбородок кулаком. — Прямо герой-спаситель. Пришел, подкрутил гайку, одарил тебя своим фирменным загадочным взглядом и ушел. Ты бы видела себя со стороны, Талия. Как только этот твой Марек... или как там его... появляется на горизонте, ты застываешь, словно олень перед фарами.

Он хмыкнул, но в его голосе не было злости, скорее, привычная ворчливость. Олли слишком сильно пекся о моей безопасности и, кажется, искренне считал, что любой парень из верхних диспетчерских узлов — это потенциальная неприятность.

— Сам ты олень. Я просто не понимаю его. Он вечно говорит такими словечками, для которых мне нужен как минимум словарь, а как максимум лоботомия. — уже мягче

добавила, глядя в мутное стекло кружки. — Он странный, но кажется мне..мкак это называется? Безобидным. И я ему нравлюсь.

— Безобидным, значит? — Олли бережно забрал у меня из рук кружку и сделал небольшой глоток. — Ну-ну. В Эдеме «безобидный» обычно означает «тот, кому система сядет на шею». Хотя этот твой программист пока дело говорит. Ты бы видела, как у него пальцы по терминалу летают, когда он свои коды прописывает.

Он опустил кружку, и пальцами в воздухе тыкал по невидимой клавиатуре.

— А насчет “ты ему нравишься” - тут и словарь не нужен, Тали, — Олли негромко рассмеялся, покачав головой. — У него же на лице всё написано, крупным шрифтом. Когда ты рядом, он начинает путать протоколы и выдавать свои эти... системные сбои. Ты для него как редкая программа, которую он никак не может взломать. Красивая, непонятная и жутко интересная.

Я вздохнула, утыкаясь подбородком в ладони. Забавно было слышать это от Олли, который сам обычно думал только о еде, и никогда не смотрел на людей вокруг себя.

— Да не вызывает он у меня доверия, вот и всё, — Олли со стуком опустил кружку на стол, разом разорвав минутную сентиментальность. — Мартину этому... ему как будто нравится вся эта система. Нравится новый Эдем, со всеми его дурацкими правилами, инструкциями и уровнями. Он в

этом как рыба в воде. А те, кто слишком сильно любят систему, Тали, рано или поздно начинают выполнять ее приказы. Как бы нам его правильность боком не вышла.

Глава 4

2.3 Закон о «Глазах Порядка»: Если гражданин нарушил общественный порядок или проник на запретную территорию, он автоматически считается лицом, совершившим режимное преступление. Наказание: Ликвидация на месте, обнуление, в иных случаях, пожизненная ссылка на урановые шлаковые отстойники в Сектор 10.

Смена на очистных тянулась невыносимо долго. Каждый раз, когда мимо диспетчерского узла проходил Марк, я опускала голову, пряча лицо за грязным пластиком защитной маски. Мне было стыдно за тот разговор в баре. В четыре часа дня, мастер цеха отправил меня проверять герметичность магистрального узла В-12 на нижних ярусах.

Тридцать второй технический узел встретил меня запахом сырости и монотонным гулом кабельных коллекторов. Шла по полу-темному коридору, шаги моих берцев глухо отдавались от металлического пола. Этот узел обычно пустовал в такое время, и я надеялась побыстрее закончить, как вдруг мой взгляд зацепился за полосу яркого, неестественно белого света впереди.

Дверь поста СБ была приоткрыта.

Замерла на месте, едва дыша, и вжалась в холодную бе-

тонную стену. Это было нарушением всех инструкций: каратели никогда не оставляли свои посты открытыми. Неужели они были так уверены в покорности гетто?

Изнутри не доносилось ни звука - ни тяжелого дыхания, ни шуршания формы, ни треска рации. Видимо, дежурный отошел на обход или поднялся на пару ярусов выше, забыв защелкнуть массивный замок. Я уже сделала шаг в другую сторону, но любопытство тянуло меня вперед. Там, на столе внутри поста, мог быть терминал. Там могли быть списки распределения пайков, графики зачисток или, чем черт не шутит, карты внешних шлюзов, о которых когда-то рассказывал Олли. Сердце колотилось, заглушая гул вентиляции. Борясь с диким, удушающим желанием просто броситься наутек, сделала глубокий вдох, оторвалась от стены и, стараясь не издать ни единого шороха, шагнула к проему.

Протянула руку и на несколько сантиметров толкнула тяжелую металлическую дверь, заглядывая внутрь.

Тусклый синий свет от монитора старого терминала разрезал полумрак комнатухи. На экране горела таблица с гербом Нового Эдема и надписью: “Программа оптимизации нецелевых человеческих ресурсов. Сектор 7”.

Мои глаза заматались по строчкам. Буквы плыли перед глазами. Я судорожно листала список «на изъятие» во время ближайшего пятничного био-скрининга, пока не наткнулась на строку номер четыре.

«...Оливер Нэш. 27 лет. Жилой блок Г-18. Нижние метал-

лические доки. Причина: Систематическое нарушение дисциплины, скрытая агрессия, деструктивное влияние на рабочую группу через неуместный юмор».

Напротив его имени горел красный маркер. Как капля свежей крови.

Неуместный юмор. Его собирались убить за то, что он улыбался. За то, что он пытался остаться человеком в этом бетонном гробу. До пятницы оставалось четыре дня. Я заставила себя листать список дальше, выискивая другие знакомые фамилии, и вдруг дыхание перехватило. Строчка номер четырнадцать.

«...Марк Вернер. 27 лет. Сектор 7, узел контроля давления ЮОС. Причина: Избыточный интеллектуальный потенциал, несанкционированный сбор информации о распределении ресурсов Верхнего города».

Марк. Парень, который ещё вчера делал мне странные комплимент, тоже был приговорен. Он копал под Совет. Его, как и Олли, собирались ликвидировать под видом «неудачного био-скрининга» уже в эту пятницу.

Экран терминала внезапно мигнул, отразив в стекле силуэт, замерший в дверном проеме.

Оцепенела, чувствуя, как внутри всё обрывается. Медленно, боясь дышать, повернула голову. В дверях стоял Олли. На нем была тяжелая брезентовая куртка, испачканная мазутом, а на плече висел такелажный трос - его прислали на этот ярус за деталями для погрузчика. Он посмотрел на мое

бледное лицо, затем на экран терминала, где зеленые буквы безжалостно высвечивали его имя под штампом “Обнуление”. Его улыбка, привычная и легкая, медленно сползла с лица, обнажая суровую, взрослую жесткость.

— Ну надо же, — тихо произнес Олли, всматриваясь в строчку со своими данными. Он протянул руку и аккуратно коснулся пальцем холодного стекла монитора. — Номер четыре. А я-то думал, Совет выделит мне хотя бы призовую тройку. Обидно даже.

— Олли, это не всё, — мой голос сорвался на хриплый, удушливый шепот. Схватила его за жесткие рукава куртки, сжимая ткань до боли в пальцах. — Здесь написано, что они закроют сектор. Через две недели они перекроют воду и объявят ложный карантин. Как в Секторе 6 два года назад! Они убьют всех нас, Олли! А тебя и Марка уже в эту пятницу. Нам нужно бежать. Прямо сейчас. Нам нужно уходить из Эдема.

Олли молчал. Он смотрел на меня сверху вниз своими неестественно спокойными голубыми глазами, и в этом заброшенном подвале, под аккомпанемент лживого радио, вещавшего сверху о «счастливом будущем общими усилиями», я впервые увидела, как внутри Олли рушится его щит.

— За Стену? — тихо спросил он, и в его вопросе не было страха. Было лишь глубокое понимание того, что ад, от которого мы бежали шесть лет назад, настиг снова. — Туда, к бегунам? На верную смерть?

— Здесь нас тоже ждет смерть, Олли! — из моих глаз про-

тив воли покатались горячие слезы, оставляя чистые дорожки на испачканном пылью лице. — Но там у нас будет хотя бы шанс умереть людьми.

Олли молча потянул меня к себе, прижимая к своей широкой груди. Он бережно погладил меня по растрепанным, неровно подстриженным каштановым волосам.

— Ладно, Лия, — негромко выдохнул он мне в макушку, и его пальцы судорожно сжались на моих плечах. — Раз уж генерал Крейг так не ценит мои шутки... придется рассказать их кому-то на воле. Мы уходим. Но нам нужен Марк. Если он копал под Совет, у него могут быть схемы технических шлюзов, которые ведут за Стену. Без него мы не выберемся живыми.

Я отстранилась и вытерла слезы рукавом. Мыслью том, что придется впутать в это Марка, пугала, но Олли был прав. Разочарование и страх смешались в безумный коктейль. У нас оставалось всего четыре дня на то, чтобы спланировать самый громкий побег в истории Нового Эдема. Или остаться лежать на Центральной площади с пулей в затылке.

Глава 5

3.2 Закон о репродуктивном квотировании: Ввиду жесткого дефицита чистого воздуха и белковой массы, право на рождение ребенка имеют только граждане Секторов 1- 4, либо рабочие Нижних секторов, получившие специальный «Орден Трудовой Доблести». Любая незапланированная беременность в гетто подлежит принудительному прерыванию.

Я ворочалась на жестком матрасе до самого рассвета. Сон не шел.

Сбежать... Но как? Возможно ли вообще выбраться из этого бетонного гроба, не поймав пулю в затылок? Что там, за Стеной? Получится ли у нас с Олли (и надеюсь Марком) как-нибудь обмануть датчики периметра, тепловизоры и караулы, которые годами выстраивали эту идеальную тюрьму? Ответов не было, и от этой неизвестности всё внутри сжималось от ужаса.

Когда по коридорам блока разнесся рев утренней сирены, мои глаза уже горели от усталости, а в голове шумело так, будто я сама полночи крутила ржавые турбины.

На распределительном пункте Сектора 7, как обычно, царил полумрак и стоял удушливый запах прогорклого масла. Очередь растянулась вдоль стены на добрый десяток метров

- сотни истощенных, серых лиц, безмолвно ждущих свою норму. Я двигалась вместе со всеми, переставляя затекшие ноги, пока не очнулась уже у самого окошка.

— Эй, Смит, шевелись! Не спать на линии! — сзади меня грубо толкнули в плечо. Тяжелая рука какого-то рабочего из доков толкнула меня. — Голодные люди за тобой стоять до вечера не собираются.

Быстро протянув надзирателю свой помятый синий талон, дождалась, пока он швырнет на прилавок мою порцию: миску с серой, едва теплой овсяной жижей и черствую корку хлеба.

Подхватив посуду обеими руками, поспешила отойти в сторону. Хотела было дождаться Олли у железной опоры неподалеку, чтобы съесть этот скудный завтрак вместе, но дойти до угла я не успела.

Возле стены одного из жилых домов, прямо на грязном асфальте, сидела девочка. На вид ей было не больше семи лет. Из-под огромной, явно с чужого плеча куртки, подвязанной обрывком какой-то веревки, торчали тонкие, как спички, руки. Она не плакала. Она просто смотрела на проходящих мимо людей огромными, высохшими глазами, в которых не осталось даже страха - только голод. Её ладошка была слабо вытянута вперед.

Кто-то из рабочих брезгливо перешагнул через её ноги, кто-то просто отвел взгляд. Я замерла. Перед глазами на мгновение вспыхнуло лицо мамы, её слова о том, что расхле-

бывать чужие политические игры всегда приходится самым беззащитным. Подошла к ней и опустилась на корточки.

— На, держи, — негромко проговорила, протягивая ей миску и хлеб.

Девочка вздрогнула, а затем судорожно вцепилась в посуду. На её лице не появилось улыбки - только дикое, голодное напряжение. Она принялась заталкивать хлеб в рот прямо грязными пальцами, испуганно озираясь по сторонам, будто еду могли отобрать.

Поднявшись во весь рост и чувствуя, как в пустом желудке заурчало от запаха каши, побрела к нашей опоре. Олли еще не было видно. Вместо него из тумана со стороны подъемников вышла совсем другая фигура.

Марк целенаправленно шел в мою сторону. Невольно выпрямилась, пряча пустые руки в карманы куртки.

— Смит, доброе утро, — его низкий, ровный голос прозвучал на удивление четко сквозь общий гул толпы. Он остановился в паре шагов, и я заметила, что его бледное лицо выглядит уставшим, а под глазами залегли темные тени. — Ты сегодня непривычно рано.

— Марк? Что ты здесь делаешь? — постаралась, чтобы мой голос звучал ровно. — Диспетчерам вроде бы выдают пайки на час раньше, нет? Зачем ты пришёл сюда?

— На седьмом коллекторе снова поползло давление, — он едва заметно улыбнулся, и в уголках его глаз появились знакомые мелкие морщинки. — Пришел проверить датчики

на узле В-23, пока ваши инженеры окончательно не залили их мазутом. Ну и... надеялся встретить тебя до начала смены.

Он окинул меня внимательным взглядом, и его улыбка растаяла. Марк нахмурился, заметив мои пустые руки.

— Ты бледная. И где твой завтрак? Опять отдала талон своему другу? Олли выглядит так, будто ест за троих, а ты скоро начнешь просвечивать сквозь этот брезент.

— Олли тут ни при чем, — и отвела взгляд в сторону, где маленькая девочка как раз вылизывала дно металлической миски. — Просто... аппетита не было.

Марк проследил за моим взглядом. Он всё понял без слов. В его глазах мелькнуло странное выражение - смесь жалости и раздражения. Он сделал шаг ближе, так что я почувствовала тонкий запах мыла, исходивший от его чистой куртки.

— Ты не сможешь накормить весь Сектор 7, Смит, — тихо произнес он. — На станции тяжелая работа. Если ты упадешь в обморок от истощения, Совету будет плевать. Тебя просто спишут. Ты должна думать о себе.

— Я не могу думать только о себе, Марк, — упрямо подняла на него глаза. — Если мы все начнем думать только о себе, то окончательно превратимся в тех животных, которыми нас считает Верхний город.

Марк долго смотрел на меня, словно взвешивая мои слова. Позади нас послышался тяжелый, до боли знакомый шаг берцев и громкое, демонстративное покашливание. Олли наконец соизволил явиться, и по его насупленным бровям бы-

ло ясно: появление диспетчера его совсем не обрадовало.

— Ну и долго ты собираешься дырять его взглядом, Ли? — Олли остановился рядом, тяжело дыша и едва не задев Марка своим широким плечом. Он бросил на Марка свой фирменный подозрительный взгляд и хмуро буркнул. — Майкл. Или как тебя там. Опять датчики “полетели”?

— Марк, — спокойно, даже не моргнув, поправил его диспетчер. На грубость Олли, он уже давно научился отвечать ледяным профессионализмом. — И да, датчики. Давление на нижних ярусах нестабильно.

— Ладно, Олли, хватит, — мягко, но настойчиво положила руку на грудь Олли, заставляя его сделать полшага назад. Мои пальцы все еще подрагивали, но совсем не от голода. В голове до сих пор горели неоновые строчки, которые тогда увидела на экране. — Нам нужно поговорить. Всем троим. Прямо сейчас.

Олли удивленно приподнял густые брови:

— Ли, у нас смена через двадцать минут. Коваль за опоздание

— К черту Ковалья, — перебила его шепотом, оглядываясь по сторонам. Толпа у распределителя жила своей монотонной, серой жизнью, и до нас никому не было дела, но осторожность в Новом Эдеме была залогом долгой жизни. — Марк, в тридцать втором узле... дверь поста СБ была открыта. Дежурного не было. Терминал был активен.

Марк мгновенно изменился в лице. Его напускное спо-

койствие испарилось, глаза сузились.

— Ты зашла внутрь? Смит, ты с ума сошла? Если бы тебя засекли

— Меня никто не засек. Но я успела посмотреть главный документ, — сделала шаг ближе к парням, заставляя их наклонить головы, и понизила голос до едва различимого шепота. — Совет готовит полную чистку нашего сектора. Внутренний приказ уже подписан. Они собираются объявить о «санитарной угрозе» и выкосить Сектор 7 под корень. А еще там был расстрельный список. Марк... ты там на четырнадцатом месте. Тебя приказано обнулить.

Марк замер, его лицо стало мертвенно-бледным. Он не выглядел удивленным, скорее, его худшие опасения просто подтвердились.

— Четырнадцатый — глухо выдохнул он, судорожно сжав терминал в своих руках. — Значит, они всё-таки догадались. Поняли, что я рыл под них и собирал архивы Совета.

Олли, который только что собирался съязвить, осекся. Его широкая челюсть сжалась. Новость о чистке сектора и о том, что диспетчер сознательно копал под верхушку, мигом сбילה с него всю спесь. Теперь они оба были смертниками, и обратного пути не было.

— Когда чистка? — коротко спросил Марк, и в его глазах мелькнул настоящий, осознанный страх.

— В эту пятницу. У нас почти нет времени, — с трудом сглотнула вставший в горле ком.

— Месяц назад, когда я копал под Совет, то увидел журнал системных ошибок внешнего периметра. Четвертый шлюз. Тот самый, через который конвои вывозят весь мусор за стену. Каждую пятницу в двенадцать сорок пять тепловизоры уходят на перезагрузку. Ровно на три минуты система полностью слепнет: камеры показывают застывшую картинку, а датчики движения отключаются.

— Три минуты... — глухо повторил Олли, потирая массивный подбородок. Его смекалка тут же включилась в работу, цепляясь за единственный шанс выжить. — За три минуты добежать от склада до внешних ворот... Если шлюз в это время будет открыт для сброса отходов, мы успеем. Но как проскочить блокпост? Там же караульные.

— В пятницу ночью на четвертом шлюзе дежурит бригада Ковальского, — быстро заговорил Марк. Шок от новости про четырнадцатое место в списке уступил место холодной, лихорадочной решимости. — Они глушат сидр Рика канистрами прямо на посту. Если я пушу фальшивый сигнал о прорыве трубы на пятом ярусе, они побегут туда. Шлюз останется без присмотра.

Олли посмотрел на Марка уже без прежней неприязни — теперь они были в одной лодке.

— Значит, бежим? За Стену? — Олли тяжело вздохнул и перевел взгляд на меня. Снова невольно обернулась и посмотрела на маленькую девочку на асфальте. Сердце сжалось от невыносимой боли. Мы-то уйдем А они?

— Марк — схватила его за рукав чистой куртки, заглядывая в карие глаза. — Мы не можем просто так сбежать. Мы должны как-нибудь предупредить жителей сектора. Хотя бы намекнуть. Ведь если мы уйдем молча, у них вообще не будет шансов. Погибнут все. Погибнут дети, Марк! Эта девчонка они же ни в чем не виноваты.

Марк посмотрел на меня, и в его взгляде была тяжелая усталость. Он мягко, но уверенно убрал мою руку со своего плеча.

— Это невозможно, — тихо, но безжалостно отчеканил он. — Подумай головой. Как ты их предупредишь? Начнешь кричать на распределителе? Тебя скрутят через тридцать секунд. Поднимешь панику в жилых блоках? Нас закроют здесь же, объявят карантин раньше срока, и мы сгнием вместе со всеми. Любая попытка поднять шум - это самоубийство для нас и моментальный повод для Совета начать зачистку прямо сейчас. У нас один билет на троих, Смит. И если мы попытаемся спасти всех, мы не спасем никого.

Опустила голову, понимая, что его ледяная логика абсолютна права. Но смириться с этим было выше моих сил.

— погоди, калькулятор, не руби с плеча, — вдруг подал голос Олли. Он хмуро поскреб затылок, и в его глазах блеснула та самая хитрая искорка, которая обычно появлялась, когда он придумывал новую шалость — Открыто орать нельзя, тут ты прав. Но у нас на нижнем ярусе, в ремонтном депо, есть старая резервная радиоточка. Ковальский и его алкаши

про нее даже не помнят, она на учете не стоит с довоенных времен.

Олли заговорщически наклонился к нам:

— Мы же можем настроить передатчик на аварийную частоту? Запись пустим на автоповтор. Марк, ты же сможешь зациклить аудиофайл с предупреждением через свой терминал, но так, чтобы сигнал пошел в сеть в ту самую секунду, когда мы пересечем линию четвертого шлюза?

Марк на мгновение задумался, быстро просчитывая что-то в уме, и его брови удивленно поползли вверх.

— Да Да, это сработает. Я могу настроить отложенный запуск пакета данных. Как только автоматика шлюза зафиксирует наш выход, скрипт обрушит внутреннюю связь СБ и пустит по всем громкоговорителям сектора твое предупреждение. У людей будет фора минут в двадцать, пока каратели будут перезагружать систему связи.

Олли победно ухмыльнулся и посмотрел на меня:

— Ну вот, детка. Спасенный мир мы им не гарантируем, но шанс устроить Совету знатную заварушку и разбежаться по вентиляциям мы им дадим. Идет?

— Идет, — выдохнула я, чувствуя, как с души свалился огромный камень. — В эту пятницу. В полночь у дренажного коллектора Сектора 7.

— Ладно, — Олли с силой сжал мое плечо. — Мэтью, смотри, чтобы твои фальшивые сигналы сработали.

— Сработают, — кивнул диспетчер, и на его губах появи-

лась бледная, решительная улыбка. — Расходимся, сирена
стихает.

Глава 6

*3.1 Закон о Санитарном
Контроле: Каждый гражданин обязан
раз в неделю проходить
био-скрининг на предмет заражения
синтетическим нейровирусом.
Соккрытие симптомов (повышенная
агрессия, расширение зрачков,
тремор, лихорадка) карается
немедленно. Наказание: Ликвидация
на месте огнестрельным оружием или
термическое выжигание жилого блока
вместе со всеми находящимися
внутри.*

Седьмой сектор задыхался. Здесь, на нижних ярусах Нового Эдема, понятие «улица» было условным - это были узкие, зажатые между глухими бетонными стенами коридоры, над которыми слоями переплетались ржавые артерии вентиляционных труб. С них постоянно капала маслянистая, пахнущая химикатами жижа. Фонари - тусклые, утопленные в защитные сетки, горели через один, отчего вся улица казалась сплошным нагромождением рваных, грязных теней.

Люди вокруг меня передвигались бесшумно, словно призраки. Засаленные комбинезоны цвета мокрого асфальта, серые лица, глубоко запавшие глаза. На каждом шагу, пере-

кривая ржавые потеки на бетоне, висели новенькие, глянцевые плакаты Совета. С них на серую толпу смотрели идеально ровные, белоснежные буквы:

«НАШЕ СПАСЕНИЕ — В НАШЕМ ЕДИНСТВЕ»

«ТРУД ОБЛАГОРАЖИВАЕТ»

«ДИСЦИПЛИНА БЕРЕЖЕТ ОТ БЕГУНОВ»

Шла мимо, и эти лозунги казались мне издевкой, харкающей в лицо каждому, кто здесь выживал. “Единство”. “Труд”. “Дисциплина”. Карман моего комбинезона оттягивал тяжелый металлический корпус портативного плеера, который мне передал Олли для записи предупреждения. Мой палец то и дело касался кнопки. Внутри всё горело от невыносимого, удушающего стыда. Идти среди этих людей, зная, что через три дня их уничтожат, всё, что могла им оставить, пока сама буду бежать к шлюзу - это записанный на старый плеер, голос. Я бросала их. Спасала свою шкуру.

На повороте к блоку управления привычный гул толпы вдруг стих. Люди впереди меня начали резко шараться в стороны, прижимаясь к стенам. Замедлила шаг и скользнула в полумрак за массивный вентиляционный короб, прямо под плакат про «Единство». У дверей блокпоста стояли двое.

Коваль, Управленец нашего Седьмого сектора, стоял, тяжело оперевшись ладонями о железные перила. На нем был дорогой, безупречно чистый шерстяной китель, который так дико смотрелся среди здешней копоты. Его холеное, обычно высокомерное лицо сейчас налилось багровой кровью. В

руке он сжимал тяжелую, опломбированную инфо-карту с приказами Совета.

А перед ним, заблокировав проход, стоял капитан карателей СБ. На нем была черная штурмовая броня, а в руках демонстративно лежал автомат.

— Ты не понял меня, идиот, — процедил Коваль, совсем тихо, чтобы никто не обратил внимание. — Я не подпишу ордер на блокировку вентиляционных шахт в пятницу. Совет требует пустить газ в жилые блоки “в целях санитарной профилактики”. Но это саботаж! Седьмой сектор - это три тысячи рабочих рук! Кто будет держать давление на нижних уровнях? Если мы их уничтожим, город останется без воды! Наверху, в Совете, сидят такие же идиоты, как и ты, потерявшие связь с реальностью!

— Мне плевать на твоё мнение, жирдяй, — ответил каратель. Его голос, искаженный металлическим вокодером шлема, звучал холодно, без единой эмоции. — Приказ генерала Крейга предельно ясен. В Седьмом секторе зреет бунт, очаг должен быть выжжен до того, как зараза пойдет выше. Твоя задача - подписать акт и обеспечить беспрепятственный проход карательных отрядов после ухода мусорного конвоя. В час ночи.

— Я не буду этого делать! — Коваль вдруг сделал шаг вперед, почти вплотную к черной броне, и со злостью швырнул инфо-карту в грудь карателю. Пластик со стуком отскочил от кевлара. — Я строил эту систему контроля годами! Я

держал этих тварей в узде! Они работают, потому что верят в порядок. Если ты начнешь массовые казни, они разнесут шлюзы еще до утра. Я не стану палачом собственного сектора ради паранойи Крейга!

Каратель медленно поднял руку и положил её на плечо Ковалья.

— Если ты откажешься выполнять приказ Совета, Коваль, ты сдохнешь вместе со своими рабочими. Вместе со своим мнением. Совету плевать, кто повернет ключ - ты или твой заместитель. Выбирай: верность Системе или Обнуление.

Управленец замер. Я видела сквозь щель короба, как его лицо внезапно осунулось, став серым. Вся его спесь, вся власть, которой он кичился перед нами, испарилась за секунду. Он понял, что для Совета он точно такая же шестеренка, подлежащая замене, как и любой работяга на цехах. Система жрала собственную верхушку с тем же аппетитом, что и низы. Каратель не хотел отступать. Коваль не хотел становиться соучастником. Их обоих держали одни и те же цепи. Капитан резко развернулся и зашагал прочь, его тяжелые берцы гулко стучали по железу настила. Коваль остался стоять у перил, глядя на брошенную на пол инфо-карту, над которой со стены издевательски кричал плакат:

«НАШЕ СПАСЕНИЕ — В НАШЕМ ЕДИНСТВЕ».

Сильнее вжалась в бетонную стену, чувствуя, как сердце бьет в грудную клетку с силой отбойного молотка. Внутри меня бушевал пожар. Этот циник, которого мы ненавидели,

сейчас рисковал жизнью, пытаюсь спасти сектор от бойни. А я? Считавшая себя жертвой, трусливо пряталась в тени, держа в кармане билет в один конец. Я собиралась бросить их всех - и бунтующих рабочих, и этого сломленного Управленца, и голодных детей.

Подняла глаза на плакат. «НАШЕ СПАСЕНИЕ — В НАШЕМ ЕДИНСТВЕ». Жирный шлепок маслянистой жижи упал с трубы прямо на слово «единство», медленно стекая по нему грязным черным ручьем. Иронично.

Чистоты не существовало. Единства не было. Были только те, кто убивает, и те, кто бежит. И я уже сделала свой выбор, как бы сильно он ни выжигал мне душу. Нащупав в кармане холодную кнопку плеера, нажала «запись». Нам нужно было торопиться.

Глава 7

2.1 Закон о вредоносной ностальгии: Запрещено хранение, распространение и обсуждение любых информационных носителей из «Прежнего мира» (книг, плашето, фотографий городов до войны), которые не прошли цензуру Совета. Запрещено утверждать, что жизнь до появления био-бомб была лучше, или ставить под сомнение решения президентов, приведшие к катастрофе. Наказание: Выжигание памяти (химическая лоботомия) и перевод в разряд неквалифицированной рабочей силы Нижних доков. В редких случаях — Обнуление.

Голос в наушниках казался чужим. Сухой, монотонный, лишенный всяких интонаций - я наговаривала текст на плеер Олли по кругу, пока шла по заброшенным вентиляционным ходам к дренажному коллектору.

“Внимание всем блокам Седьмого сектора. Это не учебная тревога. В пятницу в час ночи Совет начнет санитарную чистку. Повторяю, в час ночи. Гермозатворы заблокируют изнутри. Спасайтесь. Бегите к техническим колодцам”

Нажала на паузу. Ложь лозунгов на стенах всё еще стояла перед глазами: «Дисциплина бережет от бегунов». Какая чушь. Дисциплина просто помогала карателям выстраивать нас в ровные очереди перед расстрельными рвами.

Скользнула в темноту технического кармана под Четвертым коллектором. Здесь пахло ржавчиной. Олли и Марк уже ждали меня. Они сидели на перевернутом пластиковом коробе под единственной тусклой аварийной лампой.

Марк лихорадочно стучал по клавишам портативного терминала, подключенного к оголенным проводам распределительного щитка. Олли, скрестив на груди массивные руки, хмуро наблюдал за мерцанием зеленоватого экрана.

— Выкладывай, Ли, — хмуро буркнул Олли, заметив мое лицо. — На тебе лица нет. Что там наверху? Коваль снова лютовал?

Выйдя ближе к свету лампы и положила ладони на холодный край железного ящика. Руки дрожали.

— Хуже, — проговорила на выдохе, глядя прямо в глаза Олли, а затем перевела взгляд на Марка. — Никаких двух недель у нас нет. Совет переиграл всё. Зачистка будет в эту пятницу. В час ночи.

Марк резко замер, его пальцы зависли над клавиатурой. Олли подался вперед, отчего короб под его весом угрожающе хрустнул.

— Как в пятницу? — переспросил диспетчер, бледнея. — По инструкциям СБ, они должны были проводить эвакуацию лояльных кадров еще полмесяца

— Не будет никакой эвакуации, — отрезала я, и мой собственный голос показался мне ледяным. — Я своими ушами слышала, как каратель орал на Ковалю. Они решили из-

бавиться от всех сразу. Отрезать вентиляцию и пустить газ в жилые кварталы. Они не собираются тратить на нас патроны, Марк. Сектор спишут как санитарный брак через пятнадцать минут после того, как мы окажемся за Стеной.

В полумраке коллектора повисла тяжелая, удушливая тишина. Два дня. До катастрофы оставалось всего два дня.

— Пятнадцать минут, — Марк наконец отмер и лихорадочно вывел на экран длинные столбцы системного кода. — Фильтры тепловизоров на внешнем шлюзе упадут в перезагрузку в двенадцать сорок две. Ровно на три минуты. В двенадцать сорок память система включится. А через пятнадцать минут в Седьмой сектор пойдет газ. У нас нет права на ошибку, Смит. Если мы замешкаемся на подъеме к шлюзу хотя бы на сто секунд — нас либо расстреляют автоматические турели, либо мы задохнемся вместе со всеми.

— Но мы успеем, — Олли хмуро сжал кулаки, его челюсть заходила ходуном от ярости.

— Есть ещё одна проблема, — Марк покачал головой, и по его телу прошлась заметная дрожь. Он указал пальцем на мерцающую зеленую строку на терминале. — Я залез в глубокие Архивы Пятого сектора через старую сеть диспетчерской и наткнулся на кое-что интересное. Этот еженедельный сбой фильтров по пятницам в двенадцать сорок пять это не износ оборудования. Это искусственный баг.

Я нахмурилась.

— Что это значит?

— Это значит, что кто-то на самом верху, в Пятом секторе, намеренно ломает систему каждую неделю, — Марк понизил голос до едва различимого шепота. — Внутри Архивов сидит «крот». Наверное какой-то высокопоставленный чиновник. Он годами создавал этот трехминутный слепой коридор наружу, в Пустошь. И судя по последней транзакции данных, которую я перехватил, этот «крот» собирается использовать свой коридор именно в эту пятницу. В наше время.

Мир вокруг меня окончательно треснул. Наш план, казавшийся тайным спасением, превратился в хаос. На Четвертом шлюзе мы будем не одни.

— И кто этот призрачный беглец? — спросил Олли.

— Я не знаю, — выдохнул Марк. — Но поймите главное: если этот человек пойдет к шлюзу одновременно с нами и попадетсся карателям Крейга раньше времени. Всю внешнюю систему заблокируют вручную. Сработает протокол «Заслон». Шлюз закроется намертво, похоронив и его, и нас.

— Мы не можем отступить. Времени нет. В пятницу Седьмой сектор уничтожат без единого выстрела. Либо мы проскочим шлюз вместе с этим кротом, либо он станет нашим палачом.

Я протянула Марку металлический корпус плеера:

— Марк, свяжи свой терминал с их сетью. Сигнал с моим предупреждением должен бахнуть по всему сектору ровно

в ту секунду, когда мы пересечем линию четвертого шлюза. Ни секундой раньше, иначе СБ перекроет нам выходы. Раз Совет решил сэкономить на нас патроны, мы устроим им такой бунт, который они не забудут.

— Сделаю. Забьем их волну так, что у карателей в ушах зазвенит, — он хмуро посмотрел на плеер, и на его лице отразилась тяжелая, каменная решимость.

— В пятницу в двенадцать сорок две мы будем у шлюза. И кто бы ни был этот крот из Архивов - ему придется поделиться с нами свободой. Или сдохнуть вместе с нами под этим газом.

Глава 8

Сборы были недолгими. Мы забирали с собой нехитрые пожитки - всё, что удалось скопить и спрятать за эти дни (месяцы, в случае Олли). В мой походный мешок легли несколько банок сублимированного армейского пайка, пара сменных фильтров для противогازа и фляга с чистой, отфильтрованной водой из резервуаров Верхнего города, которую как-то достал Марк. Из оружия у нас с Марком были лишь тяжелые большие молотки, да заточенные лесные ножи. Олли выглядел куда внушительнее: он где-то раздобыл старый довоенный дробовик с обрезанным стволом и массивный разводной ключ, способный одним ударом проломить череп карателю в броне или бегуну.

— Если дойдет до стрельбы, держитесь за мной, — хмуро бросил Олли, проверяя патронник обреза. Металл глухо лязгнул в полумраке дренажной трубы.

Марк ничего не ответил. На его плече висел легкий рюкзак с портативным терминалом, а пальцы, сжимающие нож, побелели от напряжения.

Мы двигались по узкому, скользкому коллектору, который вел прямо к накопителю Четвертого шлюза. Вода под ногами пахла мазутом и хлором. Часы на запястье Марка мерно отсчитывали секунды, приближая нас к роковой отметке.

00:40

00:41

00:42

00:43.

00:44.

— Приготовились, — шепнул Марк, останавливаясь у тяжелой железной решетки, отделяющей коллектор от огромного, гулкового зала накопителя.

Внезапно огромные вентиляционные турбины над нашими головами начали замедлять свой ход. Гул, который сопровождал нас всё время, стал утихать, переходя в низкий, вибрирующий стон. На табло над шлюзом вспыхнул желтый сигнал.

00:45. Фильтры тепловизоров упали в перезагрузку. Система ослепла.

Олли навалился плечом на подпиленную решетку, и она с глухим скрежетом поддалась. Мы один за другим выскочили в огромный зал накопителя, окутанный клубами горячего пара. Дорога к свободе была открыта, но стоило нам сделать десять шагов, как Олли резко замер, выставив в сторону руку и едва не сбив меня с ног.

Из густого пара, прямо со стороны пульта управления Архивами, навстречу нам выдвинулся массивный темный силуэт.

Это был не хилый программист и не штабной бюрократ. Перед нами стоял тот самый “крот” - огромный, под два

метра ростом, накачанный мужчина в тяжелом камуфляже штурмовых частей Верхнего города. Без шлема. Его жесткое лицо казалось высеченным из камня, а короткие темные с сединой волосы блестели от осевшего пара. В его руках был зажат новейший армейский карабин СБ, ствол которого смотрел прямо нам в грудь.

За спиной военного, в специальном походном рюкзаке-переноске, сидела маленькая девочка лет шести. У нее были огромные, испуганные глаза и две растрепанные косички. Она крепко обнимала мужчину за шею своими худенькими ручками и молчала, не издавая ни звука.

Реакция Олли была мгновенной. Мой огромный друг тут же шагнул вперед, полностью закрывая меня своим широким телом от прицела автомата. Он вскинул свой обрез, взводя курки.

— Назад, — глухо выдохнул Олли, готовый принять пулю первым.

Я краем глаза скользнула по Марку, ожидая от него привычной собранности. Он ведь только что гениально взломал систему, просчитал все тайминги и вел нас за собой с уверенностью лидера. Но то, что видела, заставило меня на секунду забыть о выставленном на нас оружии.

Марк не потянулся к оружию. Он не попытался закрыть меня или занять атакующую позицию. Вместо этого он неуловимым, текучим движением сместился чуть назад и вбок.

Он сделал это так тихо и плавно, словно просто уступал дорогу. Но траектория его шага была идеальной: теперь между ним и женщиной стояла я. Марк фактически укрылся за моим плечом, используя меня как живой щит, при этом его руки оставались на виду, согнутые в локтях, готовые в любой момент подняться в жесте капитуляции.

Его лицо оставалось бледным, но абсолютно спокойным. Никакой паники, ни одна мышца не дрогнула. И эта его расчетливая, ледяная отстраненность напугала меня сильнее, чем если бы его крупно трясло от страха. Марк не просто боялся - он лихорадочно вычислял, чьей именно жизнью придется заплатить за его безопасность, если Ян нажмет на спусковой крючок. И его математика явно была не в мою пользу.

— Нам не нужны проблемы, — голос Марка прозвучал на удивление ровно и мягко, прямо из-за моей спины. — Мы можем договориться. Мы все хотим жить, верно?

Он произнес это так спокойно, словно контролировал ситуацию, но я кожей чувствовала, как его пальцы едва заметно коснулись ткани моей куртки сзади - не для того, чтобы поддержать, а чтобы зафиксировать меня на месте и самому не выйти из зоны безопасности. Мужчина не выстрелил. Он медленно перевел взгляд с Олли на меня, затем на бледное, испуганное лицо Марка, торчащее из-за моего плеча. Его палец лежал на спусковом крючке, но ствол карабина едва заметно опустился на несколько сантиметров.

В полумраке накопителя, под шипение остывающих тур-

бин, мы замерли друг против друга. Часы на руке Марка безжалостно пищали, напоминая, что из трех минут слепоты системы у нас осталось всего две. И этот накачанный крот из Архива сейчас решал, стать ли нашим палачом или впустить нас в свой коридор спасения.

Время, как мне казалось, остановилось. Я боялась даже дышать. До заветной двери выхода оставалось всего пару метров.

— Идём. — голос мужчины прозвучал для меня словно выстрел. Он опустил карабин и побежал в сторону двери. Олли оглянулся и непонимающе уставился на меня. Пожала плечами, сама до сих пор не понимая, что происходит. Но времени на раздумья не было.

Глава 9

Железные створки Четвертого шлюза закрывались с таким грохотом, будто за нашей спиной захлопнулась крышка гроба. В ту самую секунду, когда датчики пересекли черту, терминал Марка выдал короткий писк - скрипт сработал. Наше предупреждение ушло в сеть Седьмого сектора. Там, за стеной, сейчас начинался ад, но у нас впереди была только бездонная, пугающая пустота. *Мы вышли наружу.*

В лицо ударил холодный, и давно забытый свежий ветер.. Небо над головой - бесконечный черный купол, усыпанный искрами звезд. Сейчас, фиолетового тумана, как шесть лет назад, здесь не было.

— Куда теперь? — задыхаясь, крикнул Марк. Он крутился на месте, дико озираясь по сторонам. — Куда идти, Олли?!

Олли тяжело дышал, опустив обрез. Его огромная фигура, казавшаяся нерушимой в тесных коридорах гетто, здесь, на открытом пространстве, выглядела потерянной. Он завертел головой, всматриваясь в темноту, но вокруг расстилалась лишь бескрайняя черная Пустошь.

Мы вырвались. Мы были свободны. И мы понятия не имели, что делать дальше. Сзади в любую секунду могли взречь прожекторы погони. Нужно было срочно, немедленно где-то укрыться.

— За мной! — хлестко, как выстрел, прозвучал голос нашего нового спутника.

Он уже бежал в сторону темнеющей вдали полосы леса. Девочка у него за спиной даже не пикнула, крепче вцепившись в камуфляжные наплечники.

— Я знаю дорогу! — бросил он через плечо.

Мы с Олли переглянулись и побежали, долго, петляя между корявыми, стволами деревьев, которые в темноте походили на тянущиеся к нам руки мертвецов. Ветви били по лицу, ноги вязли в сыром мху и жухлой траве. Лес казался бесконечным, а холод пробирал до костей сквозь тонкие слои одежды.

Наконец, когда легкие уже разрывались от ледяного воздуха, деревья расступились. Мы вышли к полуразрушенной довоенной заправке. Её выцветшая крыша накренилась, одна из заправочных колонок была вывернута с корнем, но кирпичное здание операторской уцелело. Окна были наглухо заколочены прогнившими досками, а тяжелая металлическая дверь оказалась приоткрыта.

— Сюда. Быстро, — скомандовал военный, проскальзывая внутрь.

Мы буквально влетели следом. Олли задвинул дверь и подпер её массивным старым стеллажом, валявшимся в углу. Когда первый шок от бешеного бега утих, я тяжело прислонилась к стене и осмотрела помещение. Фонарик в руках Марка освещал контуры комнаты. Это была бывшая опера-

торская, заброшенная много лет назад, но до сих пор сохранившая следы человеческого присутствия. Бывшие торговые стеллажи, когда-то заставленные товарами, теперь были сдвинуты к окнам, служа дополнительной баррикадой против ветра и возможных гостей. В центре стоял пластиковый стол и пара покосившихся стульев. В дальнем углу комнаты заметила брошенный прямо на пол старый, продавленный диван, рядом с которым валялось несколько потрепанных, серых от пыли подушек. Но больше всего моего внимания привлек другой угол, там лежал относительно чистый матрас, укрытый брезентом. Судя по всему, эта заправка служила перевалочным пунктом, и здесь кто-то иногда тайно ночевал. На полу возле матраса виднелись пара пустых довоенных жестяных банок и обгоревшие щепки от старого костра.

Здесь было темно и относительно сухо. Пахло пылью, бумагой и старым железом. Нам нужно было переждать ночь: идти вслепую по незнакомой Пустоши без карт и приборов было чистым самоубийством.

Олли аккуратно выставил на сломанный пластиковый стол наши скудные припасы: пару свертков белкового брикета и флягу с водой. Военный бережно снял с плеч рюкзак-переноску, достал девочку и усадил её на тот самый матрас в углу, накинув на плечи свою куртку. Малышка посмотрела на нас своими огромными глазами, затем достала из кармашка потрепанный блокнот с карандашом и принялась что-то тихо рисовать.

Мужчина сел напротив нас на один из уцелевших стульев, положив карабин на колени. Без камуфляжной куртки, в одной армейской майке, его фигура казалась еще массивнее.

— Раз уж мы в одной лодке, давайте знакомиться, — его голос звучал глухо, но без угрозы. Он протянул огромную, покрытую шрамами ладонь. — Ян. Бывший командир гарнизона охраны Архивов Пятого сектора. А это Лили.

Сделав шаг вперед, пожала его руку. На мгновение мне показалось, что держу кусок железа.

— Талия Смит. Из Седьмого сектора. Очистная станция.

— Олли. Механик оттуда же, — хмуро буркнул мой напарник, тоже принимая рукопожатие. Он всё еще поглядывал на Яна с недоверием, но обрез на него уже не наставлял.

Марк опустился на старый диван, привалившись спиной к куче пыльных подушек, и пытался унять дрожь в коленях.

— Марк диспетчер четвертого уровня. Тот самый четырнадцатый номер.

Ян внимательно посмотрел на Марка, и на его жестких губах промелькнула едва заметная горькая ухмылка.

— Так вот из-за кого Крейг поднял такую суматоху. Рад, что ты выжил, парень. Из-за твоих кодов мне пришлось сдвинуть свой побег на две недели раньше. Я планировал уйти позже, когда соберу больше данных по внешним базам.

— Зачем тебе это, Ян? — спросила, присаживаясь на край второго стула и глядя на маленькую Лили. Девочка подняла голову и несмело улыбнулась мне, показав свой рису-

нок - кривое, но явно узнаваемое солнце над зеленым полем.
— Ты ведь был частью Верхушки. У тебя были пайки, чистый воздух, защита.

Ян помрачнел. Его челюсть сжалась, а взгляд стал тяжелым, устремленным куда-то сквозь стену. Он посмотрел на девочку, и его голос упал до свистящего шепота.

— Лили. Она молчит, потому что три года назад, когда ей едва исполнилось три, каратели СБ отрезали ей язык. Они сделали это прямо на моих руках. За то, что она слишком громко смеялась на улице Верхнего города, нарушая комендантскую тишину квартала правителей. Для меня в тот день Нового Эдема не стало. Я понял, что в этом бетонном склепе жить нельзя. Никому. И тогда я начал разрабатывать план, по капле собирая коды обхода Четвертого шлюза.

Я замерла, чувствуя, как по коже пробежал мороз. Мой собственный конфликт, который сжигал меня изнутри в Седьмом секторе, показался мелким перед этой леденящей душу жестокостью Системы.

— Но куда ты пойдешь? — тихо спросил Марк с дивана.
— Каков конечный пункт?

Ян поднял голову и посмотрел на нас троих.

— Вы ведь помните восстание освободителей два года назад в Шестом секторе? Совет объявил, что они все были уничтожены. Это ложь. Погибла только часть. Другая часть смогла прорвать периметр и сбежать за Стену. Я хочу их найти, если они ещё живы. Перед тем, как уйти, глава того вос-

стания передал мне координаты. Он сказал, куда именно они отправятся.

Военный сделал паузу и указал рукой на восток, в сторону заколоченного окна.

— Наш Новый Эдем находится приблизительно в 230 км от Манхэттена. Выжившие из Шестого сектора собирались отправиться именно туда. Манхэттен огромен, в его руинах можно спрятать целую армию. Они планировали зайти в город, собрать там остатки довоенной провизии, медикаментов и оружия, а потом отправиться дальше. Туда мы и держим путь.

Ян замолчал, и в комнате снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь свистом ветра в щелях заколоченных окон. Он потянулся к карабину, щелкнул предохранителем и положил оружие на пол рядом со своим стулом. Напряжение, державшее нас с самой шлюзовой камеры, окончательно растворилось в пыльном полумраке заправки.

— Я не буду спрашивать, почему сбежать хотели вы, — Ян перевел свой тяжелый взгляд с меня на притихшего на диване Марка. — Тут и спрашивать нечего. В Новом Эдеме у каждого первого есть причина проклясть Совет, и пустить пулю в лоб Крейгу или себе. Всё очевидно.

Он наклонился вперед, уперев мощные локти в колени, и полоснул по мне взглядом.

— Но мне интересно другое. Как вы, работяги из Седьмого, узнали о том, что будет очистка сектора? И не просто

узнали, а высчитали время секунда в секунду с точностью до дня недели. Эту директиву Крейг утвердил на закрытом заседании Совета всего три дня назад. Доступ к файлу был только у высшего руководства СБ и у меня, в главном терминале Архивов. Откуда инфа, Талия?

Олли шевельнулся на своем стуле, его рука непроизвольно потянулась к лежащему на коленях обреза, но я мягко коснулась его плеча, останавливая. Скрывать нам больше было нечего. Мы все переступили черту.

— Я сама ее нашла, — ответила, глядя прямо в глаза Яна. — Несколько дней назад оказалась в диспетчерской. Но вместо простых отчетов, наткнулась на скрытый документ Совета. Там было четко прописано: расстрельные списки на эту пятницу и полная зачистка всего Седьмого сектора через две недели.

Ян нахмурился, вслушиваясь в мои слова:

— Но если в документе стояли две недели, как вы оказались у шлюза сегодня?

— Позавчера случайно подслушала разговор Ковалья и командира СБ, — горько усмехнулась, вспоминая ту сцену. — Каратели требовали, чтобы Коваль сам запер гермозатворы в пятницу в час, сразу после мусорного конвоя. Они открыто сказали, что планы изменились. Совет видимо решил перенести зачистку на эту самую пятницу, чтобы избавиться от всех разом и не тратить патроны. Проще перекрыть воздух трем тысячам человек, пустить газ и подождать, пока

всё утихнет, чем устраивать показательные казни и тратить провизию на тех, кто уже не жилец Самое удивительное Коваль отказался. Он орал на карателя, швырнул ему в грудь инфо-карту с приказом. Я считала его бездушным тираном, цепным псом Верхушки, который готов нас в порошок стереть ради выполнения плана. А он где-то в глубине души оказался совсем не таким уродом, как всем казалось. Он пытался защитить свой сектор. Рискнул головой ради рабочих.

Ян помрачнел, его лицо снова превратилось в каменную маску. Он перевел взгляд на маленькую Лили, которая на своем матрасе уже дремала, положив голову на рюкзак, но всё ещё сжимала в руке карандаш.

— Коваль — негромко процедил Ян. — Этот жирдяй всегда пекся о показателях своего сектора больше, чем о приказах Совета. Сомневаюсь, что он переживал именно о людях, а не о своем положении. Но против Крейга у него не было шансов. Если он отказался подписывать акт и пошел против СБ, его уже нет в живых. Совет шутить не любит.

Вспомнила искаженное яростью и бессилием лицо Управленца Ковалья под глянцевым плакатом о «единстве» и тяжело вздохнула. Система действительно пожирала всех без разбора. Нас, Ковалья, даже этого огромного Яна - она перемалывала людей в труху, оставляя после себя лишь безликие номера в расстрельных списках и лозунги на серых стенах.

Ян поднялся со стула и аккуратно сел на матрас, чтобы не потревожить Лили и шёпотом сказал:

— Я вижу, что вы ребята не из простых, но одним вам не выжить. Да и мне бросать вас не хочется. Вы, конечно, можете уйти хоть сейчас, я вас не держу. Но будет лучше, если мы сейчас ляжем спать, а с утра вместе пойдем в сторону Манхэттена.

Взглянула на Олли и Марка, и без единого слова стало понятно - мы согласны идти с командиром.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.